

Код путинизма

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 399
Ноябрь 2015

Брайан Д. Тейлор¹
Сиракузский университет

Является ли Владимир Путин прагматиком или идеологом? И если он идеолог, то что такое путинизм? Путин мало похож на основателя «изма», и многие годы эксперты были склонны описывать его как прагматика. Однако в последнее время, особенно после закручивания гаек во внутренней политике, начиная с 2012 года, аннексии Крыма в 2014-м и последовавшей затем войны в Украине, о Путине говорят, что он идеологизировался.

В данной статье доказывается, что «путинизм» действительно существует, и уже некоторое время, но ошибочно считать его целостной идеологической программой. Пожалуй, лучше представлять себе путинизм в качестве «кода». Код одновременно и больше, и меньше, чем идеология. Больше, потому что включает в себе не только идеи, но и другие побуждающие к действиям стимулы. И меньше, потому что это не целостная и законченная система взглядов. И хотя было бы ошибкой видеть в Путине чистого идеолога, в равной степени ошибочным было бы сводить путинские действия к простому прагматизму. Точнее, как давно отметил социолог Макс Вебер, рациональный личный интерес – не единственный мотив человеческих действий. В дополнение к тому, что Вебер называл «инструментальной рациональностью», он выделял и другие важные мотивы человеческого поведения, включающие ценности и идеи («ценностная рациональность»), эмоции («аффект») и привычки («традиция»). Эту комбинацию мотивов, выпадающих из сферы инструментальной рациональности – привычки, эмоции и идеи – я рассматриваю как код.

Эта аналитическая записка может представить только предварительный набросок содержания этого кода, скорее эскиз, чем портрет, без нюансировки и большого объема данных. Моей целью является предложить такой способ понимания российского

---

¹ Брайан Тейлор – профессор политологии Школы им. Максвелла в Сиракузском университете.

поведения, который идет дальше противопоставления: прагматик или идеолог. Это не код Путина, а код путинизма. Это означает, что описываемые убеждения, эмоции и обычаи разделяются в значительной степени другими членами команды Путина. Хотя он очевидно наиболее важное лицо в системе и главный из принимающих решения, он окружил себя людьми с похожим жизненным опытом и убеждениями. Кроме того, потребовалось некоторое время для формирования кода и его проявления; он четко обнаружился после теракта в Беслане в сентябре 2004 года и Оранжевой революции в Украине в декабре 2004-го. Несмотря на как бы спящий режим во время медведевского междуцарствия, код путинизма вернулся во всей полноте с возвращением Путина на президентский пост в 2012 году. Основные составляющие кода путинизма показаны в нижеследующей таблице.

Таблица: Код путинизма

Идеи	Привычки	Эмоции
Государственничество, включая державничество	Контроль Порядок	Уважение / неуважение и унижение
Антизападничество и антиамериканизм	Единство / анти-плюрализм Преданность	Обида Уязвимость / страх
Консерватизм / анти-либерализм	Гипер-маскулинность	

Путинистские идеи

Вероятно наиболее фундаментальной составляющей мышления Путина является то, что он **государственник**. В своем первом большом заявлении в качестве правителя в декабре 1999 года Путин [объявил](#), что построение сильного государства – «ключ к возрождению и подъему России». Но какого рода государство предполагает путинистский код? Факты свидетельствуют, что в противоположность первоначальным заявлениям о том, что государство должно быть демократическим, путинистский код дает государству преимущество перед индивидом. Путинистское государство – это традиционное русское «служилое государство» – не такое государство, которое служит своим гражданам, а такое, которое ожидает, что граждане будут служить ему.

Путин не только государственник, но и **державник**. В 2003 году он [заявил](#): «Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и

развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратно вставала угроза распада». Россия должна быть сильной державой не только затем, чтобы ею не помыкали на мировой арене, но также, чтобы дать отпор посягательствам на ее суверенитет и противостоять тем, кто читает России нотации о недостатках ее внутренней политической системы – отсюда [концепция «суверенной демократии»](#), которую в 2006–2007 годах пропагандировал заместитель главы Администрации Путина Владислав Сурков.

Необходимость сильного внутренне и внешне государства, способного дать решительный отпор западному давлению, связана с другой центральной путинистской идеей – **антизападничеством** вообще и **антиамериканизмом** в частности. Этот антиамериканизм проявился по крайней мере с 2004 года, когда после [теракта в Беслане](#) Путин обвинил внешние силы, которые [«хотят оторвать от нас кусок “пожирнее”](#)». Двумя годами позже он напал на [«товарища волка»](#), который [«знает, кого кушать”](#). Кушает – и никого не слушает». Согласно российским лидерам, Соединенные Штаты разработали технологию [«цветных революций»](#) как формы политической борьбы против России, что более всего проявилось во время украинской Оранжевой революции 2004 года и Евромайдана 2014-го. Как ранее в нынешнем году [выразился](#) об этом секретарь Совета безопасности Николай Патрушев: «Американцы пытаются втянуть Российскую Федерацию в межгосударственный военный конфликт, посредством украинских событий добиться изменения власти и в конечном счете расчленив нашу страну».

Последнюю идейную составляющую путинизма можно было бы назвать **консерватизмом**, но более правильно видеть в этом **анти-либерализм**. С философской точки зрения либералы склонны подчеркивать важность индивидуальных прав и свобод, они в целом позитивно смотрят на человеческую природу и верят в возможность основанного на разуме прогресса. Консерваторы, напротив, склонны придавать больше значения группе, чем индивиду, относиться более скептически к человеческой природе и отдавать приоритет порядку и традиции перед переменами и реформами. В 1999 году Путин [подчеркнул](#), что Россия исторически сильно отличалась от либеральной Америки и Англии, утверждая, что «тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуализмом» в России и что российский народ более ожидает поддержки от государства и общества (в их единстве), чем верит в свои собственные усилия. Эта коллективистская и этатистская ориентация определенно консервативная.

Склонность Путина к консерватизму стала более очевидна во время его третьего президентского срока, когда он начал защищать традиционные ценности и духовность.

Путинистские привычки

В политологии зачастую поведение людей объясняется тем, во что они верят; намного реже утверждается, что люди совершают политические действия не основываясь на размышлениях. Обозначение этого последнего как «привычки» в определенном смысле вводит в заблуждение, потому что проблема не в том, что кто-то курит или грызет ногти. Скорее, когда Вебер подчеркнул важность «традиционного» поведения, «обусловленного укоренившимися привычками», он имел в виду «почти автоматические реакции», без размышления или обдумывания.

Ключевое побуждение Путина и его команды, которое подходит под наше понимание привычки, это желание установить **контроль**. Это включает в себя недоверие к стихийным действиям. Для Путина и его ближайших соратников эта привычка по крайней мере отчасти является свойством, либо приобретенным, либо укрепившимся во время работы в советской тайной полиции – КГБ. Как [высказалась](#) об этом российский социолог Ольга Крыштановская в 2007 году: «Но что такое "беспорядок" глазами человека в погонах? Это отсутствие контроля. Если нет контроля, значит, имеются возможности для независимого влияния. А наличие в стране альтернативных центров власти силовики воспринимают как угрозу целостности страны».

С этой установкой на контроль тесно связана приверженность **порядку**. Путин и большинство его ближайших соратников сделали карьеры как чиновники, а не как политики, и поэтому они привыкли к иерархической организационной структуре. Эта поведенческая ориентация была очевидна в первом слогане, принятом Путиным для того, чтобы объяснить его цели как президента, – «вертикаль власти». Это также очевидно в явном отвращении Путина к революциям, которые он видит не как стихийные внутренние восстания, вызванные народным недовольством, а как события, кем-то инспирированные, часто извне и прежде всего Соединенными Штатами.

Привычка отдавать преимущество контролю и порядку также ведет к предпочтению **единства**, что с политической точки зрения можно назвать **анти-плюрализмом**. На идейном уровне это связано с консервативными и анти-либеральными идеями, подчеркивающими важность национального единства и уменьшающими значение индивидуальных свобод и самовыражения. В 2003 году Путин [заявил](#), что единственный

путь для России добиться своей «стратегической цели» возвращения в разряд великих держав – это «консолидация... мобилизация... [и] соединенные усилия». Дмитрий Медведев, во то время, когда возглавлял Администрацию президента, пошел еще дальше, [утверждая](#): «Если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство».

Существует общая связь между привычками, отдающими предпочтение контролю, порядку и единству, и идеями государственничества, анти-либерализма и антизападничества. Путин постоянно подчеркивал необходимость объединиться против внешних и внутренних врагов ради блага страны. Это неизменное увязывание критиков внутри страны и зарубежных противников представляет собой возвращение к традиционному образу России как [«осажденной крепости»](#), тенденция, которая естественным образом находит отклик у путинской команды.

Другая тенденция в области привычек, которая отличает путинскую эру, это – личная **преданность**. Интервьюировавший Путина петербургский журналист описал его как «друга своих друзей», что одновременно «сильная и слабая черта» его личности. Преданность «парням\пацанам» и принцип держаться вместе были определяющими для социального кода в окружении Путина в его детстве. Продемонстрированная Путиным преданность по отношению к его двум ключевым начальникам, мэру С.-Петербурга Анатолию Собчаку и президенту Ельцину, сыграла решающую роль в его восхождении. Однако преданность это не только личное свойство, но более общая черта системы – с преданностью «клану» или «команде», которая видится как ключевая практика.

И последняя привычка, являющаяся частью кода путинизма, это **гипер-маскулинность**. Даже самый случайный наблюдатель российской политики знаком с путинской склонностью к проявлениям мачизма: демонстрация своего мастерства в дзюдо, рыбалка, верховая езда с голой грудью, укол снотворного тигрице, тусовка с байкерами и так далее. Это все не просто выкрутасы, но, согласно другому петербургскому журналисту, реализация «детских мечтаний» Путина. Кроме того, Путин склонен использовать уголовный жаргон, чтобы подчеркнуть свою жесткость. Хотя жесткая манера в разговоре и поведении определенно часть пиар конструкции и средство легитимации, похоже также это отражает тенденции в привычках, которые влияют на то, как российские лидеры смотрят на мир.

Путинистские эмоции

Эмоции, как привычки, часто игнорируются аналитиками, пытающимися объяснить политическое поведение, особенно элит.² Чувствами пренебрегают или их подавляют и контролируют, чтобы дать возможность разумной части мозга сделать свою работу. Психологические исследования, однако, показывают основополагающее значение эмоций в принятии решений.

Первой среди эмоций, имеющих центральное значение в путинистском коде, является **уважение**. Говоря более конкретно, путинская элита чувствует неуважение, оскорбление, даже унижение, в особенности со стороны Запада. В феврале 2000 года Путин подчеркнул опасность неуважения по отношению к России, [заявив](#): «Кто нас обидит, тот трех дней не проживет». Это чувство неуважения усилилось в последние годы; по этому поводу российский экономист Игорь Юргенс [заметил](#) в 2014 году, что «и Путиным, и ближайшим окружением овладело чувство humiliation and betrayal – унижения и предательства со стороны Запада». Схожим образом аналитик внешней политики Сергей Караганов [отметил](#) «у значительной части элиты и населения страны чувство унижения и желание реванша». Политический комментатор Станислав Белковский, подчеркивая важность эмоций для принятия решений, [утверждал](#), что Путин чувствовал, что он «много лет претерпевал унижения от Запада» и что аннексия Крыма была не столько прагматической защитой российских интересов, сколько «искупление собственного унижения».

С этим ощущением неуважения тесно связано чувство **обиды**. В академической литературе есть вычурный/претенциозный способ обсуждения этой эмоции – используя французский термин ресентимент – чувство, которое возникает, когда одна группа берет другую группу как пример или модель, но затем чувствует злобу и разочарование, когда не может соответствовать стандартам выбранного образца, объективно или субъективно. Многие российские ученые подчеркивают значение ресентимента, включая участников проекта «ПОНАРС Евразия» Сергея Медведева и Эдуарда Понарина.³ Политолог Ольга Малинова [отмечает](#) неизбежно возникающее напряжение между, с одной стороны, «ученической» позицией России перед Западом в отношении построения демократии и

---

² Об эмоциях масс в современной России см.: Гульназ Шарафутдинова. “Роль эмоций и сознания в общественной динамике и поляризации отношений между востоком и западом”. ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 355, Сентябрь 2014, http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201309_Sharafutdinova

³ Сергей Медведев. “Русский ресентимент”. Отечественные записки. № 6 (63), 2014, <http://www.strana-oz.ru/2014/6/russkiy-resentiment>; Эдуард Понарин. “Российская элита: Что она думает о Соединенных Штатах и почему”. ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 237, Август 2013, <http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/российская-элита-что-она-думает-о-соединенных-штатах-и-почему-эдуард-понарин-0>.

капитализма в 1990-е годы и, с другой – предполагаемым статусом равной державы. Обида была неизбежна в таких обстоятельствах.

Последняя эмоция, являющаяся одним из аспектов путинистского кода, это **уязвимость** и даже **страх**. Это заявление, возможно, звучит сомнительно, учитывая объем власти, которая есть у Путина и его правительства и степень популярности, которой Путин обладает последние 15 лет в России. Но близкие наблюдатели путинизма настаивают, что это чувство есть. Бывший кремлевский инсайдер Глеб Павловский [описывает](#) в среде элиты «абсолютную убежденность в том, что как только властный центр сместится или возникнет давление со стороны масс, или появится популярный лидер, тогда все будут уничтожены. Это чувство большой уязвимости». Далее Павловский утверждает, что Путин верил, что Россия не готова для смены элит у власти без сведения счетов: «Путин всегда говорил: мы знаем себя, мы еще не достигли этой стадии, мы знаем, что как только мы отойдем в сторону, вы уничтожите нас. Он сказал это прямо: вы поставите нас к стенке и расстреляете».

Выводы

Является ли Путин прагматиком или идеологом? И то, и другое; и одновременно ни то, ни другое; а иногда первое, иногда второе. Его политика и решения диктуются комбинацией обстоятельств, рациональности, идей, привычек и эмоций. У него есть менталитет и определенные цели, но не детальный план действий. Коротко говоря, он человеческое существо.

Важно, что указанные выше элементы путинизма могут усиливать друг друга. Представление о России как о сильном внутренне и внешне государстве связано с привычками контроля и порядка, так же как с чувствами обиды и неуважения. Наложение друг на друга и отсутствие четких границ между элементами именно и превращает это во взаимосвязанный код или менталитет. Сводить мотивы Путина и его правящей команды только к одному – рациональности ли или идеологии – значит сильно упростить проблему. Внешним обозревателям и иностранным собеседникам нужно противодействовать тенденции отбрасывать код путинизма как продукт иррациональности или как пропаганду, и вместо этого понять, как он формирует поведение российского правительства дома и за рубежом. В понимании Кремля российская внутренняя и международная ситуация довольно опасна, и Запад изготовился переиграть Россию, действуя совместно с

российской внутренней оппозицией, в результате, необходимо сильно централизованное [«ручное управление»](#), чтобы сохранить целостность государства.

Российская ментальность «осажденной крепости» реальна. Влияние этого кода было хорошо [подмечено](#) прокремлевским российским журналистом Дмитрием Бабичем: «Конечно глупо жить без врагов и иметь психологию осажденной крепости. Однако жить в осажденной крепости и не иметь психологии осажденной крепости, это полный идиотизм». Путин и его команда не идиоты. Напротив, их жизненный опыт (включая чувства, привычки и ценности) укрепляет эту психологию осажденной крепости.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org